

— Мне кажется, ты вырос, — сказал Брэдфорд Уиттакер, стоя прямо в дверях номера.

Он был крупным человеком и набрал по крайней мере часть веса, потерянного на Сфинксе. Отец всегда поражал Андерса своим высоким ростом, и Андерс полагал, что его собственный рост не изменился, но отец уже не казался таким высоким, как раньше. Андерс с некоторым шоком осознал, что действительно вырос за шесть с половиной стандартных месяцев отсутствия его отца. Возможно, не так уж и много, но достаточно. "Только дело не только в физическом росте", подумал он. Дело в том, что он стал старше... и не просто на шесть с половиной месяцев.

Андерс уже осознал, что их почти катастрофическая поездка в сфинксианскую чашу изменила его отношения с отцом, но на самом деле он не думал о том, как это могло измениться. Доктор Уиттакер не смог успешно справиться с последствиями разрушения их фургона, почти безнадежного положения доктора Нэца, лесного пожара и болотной сирены, которая убила бы их всех без вмешательства древесных котов. Он вернулся к виду навязчивого поведения, в котором его решения были... подозрительными, мягко говоря, и именно его подчиненным — и его сыну — каким-то образом удалось сохранить всех в живых, пока не пришло спасение.

У них не было времени поговорить о том, что произошло, прежде чем доктора Уиттакера запихнули на борт курьера и отправили домой, в Урако. Откровенно говоря, Андерс сомневался, что его отец хотел говорить об этом. Он, вероятно, видел в тесной изоляции крошечного звездолёта побег от собственного унижения. Но теперь Андерс знал, что никогда не сможет забыть, что он был прав, а его отец ошибался. Что он, Андерс, действительно активизировался и способствовал выживанию экспедиции, в то время как доктор Уиттакер занимался раскопками свалок древесных котов и каталогизацией черепков.

И теперь, когда он смотрел на своего отца — на редкие каштановые волосы, на цвет лица, вернувший свою библиотечную бледность с тех пор, как тот покинул Сфинкс — Андерс понял ещё кое-что.

Он больше не злился. Он был так зол на своего отца и, наконец, признался, что ему было стыдно за него. Неудобно за него. Его отец подвёл его, и он провалился в своей академической ответственности... и своей ответственности за жизни своей команды. Кесия сказала ему, ещё когда это происходило, что доктор Уиттакер страдал от "вытеснения". Что он был настолько ошеломлён собственным осознанием своих пагубных решений и их последствий, что погрузился в навязчивую концентрацию на том, что понимал, на том, с чем он убедил себя, что действительно способен справиться. Но Андерс был его сыном, а Андерса подвёл не только руководитель их экспедиции, но и его отец. И это было истинным источником его гнева — это чувство предательства.

Но каким-то образом за время отсутствия доктора Уиттакера он это преодолел. Не совсем, конечно. Их отношения уже никогда не будут прежними, но, возможно, они не будут разрушены после всего случившегося.

— Возможно, я и вырос... чуть-чуть, — признал он через мгновение.

— Думаю, что да. Но ты знаешь, я думаю, что большинство родителей действительно помнит своих детей малышами, независимо от того, сколько им лет, — сказал доктор Уиттакер. — Глупо, я знаю, но вот ты, почти семнадцать стандартных лет, а в уме у меня почему-то картинка, на которой тебе двенадцать. — Он улыбнулся. Это была странная, почти робкая улыбка, и он покачал головой.

— Я привёз тебе пачку сообщений от твоей мамы, — продолжил он более лёгким тоном. — Не скажу, что она в восторге от того, что ты останешься здесь, в Звёздном Королевстве, по крайней мере, ещё на восемь-десять месяцев, но я сказал ей, что это хорошо для тебя. Фактически, я сказал ей кое-что, и она сказала мне, что пора это сказать тебе тоже.

Его голос снова стал серьёзным и Андерс склонил голову, размышляя почему.

— Скажешь мне это, пап? — попросил он.

— Я очень горжусь тобой, — тихо сказал доктор Уиттакер.

Андерс моргнул. Он ничего не мог с собой поделать и чувствовал, что смотрит на отца. К его удивлению, отец смотрел ему в глаза, выражение его лица было настолько серьёзным, насколько Андерс когда-либо видел.

— Я облажался, сынок, — сказал он. — Я совершал ошибки, я чуть не убил людей, в том числе и тебя, и это был мой собственный глупый провал. А после того как я ошибался, я не знал, как это исправить, поэтому даже не пытался. Я позволил тебе, Кесии, Калиде, Вирджили и Дейси разбираться с проблемами, потому что... потому что я не знал, как это сделать.

Андерс не мог бы быть более удивлен, даже если бы гексапума вошла в дверь и начала петь "Старое доброе время". Он не мог вспомнить, когда в последний раз слышал такой твёрдый, серьёзный тон от отца. Было очевидно, что доктору Уиттакеру не нравится говорить это — признавать это — но он с твёрдостью продолжал.

— У меня было много времени подумать об этом на курьерском судне, прежде чем я пошёл поговорить с канцлером, заведующим кафедрой и сенатом факультета. И до того мне пришлось столкнуться с твоей мамой. — Его голос слегка изменился на последнем предложении, и он закатил глаза. — У меня могло быть искушение солгать кому-нибудь об этом, но я знал, что никогда не смогу обмануть её. Так что я не пытался, и она злилась на меня так, как я и ожидал. Особенно когда она смотрела видеозаписи, снятые Калидой во время атаки болотной сирены. Она была готова оторвать мне голову за то, что я поставил тебя в такое положение, но — на самом деле, к моему некоторому удивлению — она злилась на меня и за то, что я поставил в такое положение себя.

— Но именно тогда я сказал ей, как ты вмешался, чтобы компенсировать мою слабость. Мне пришлось просмотреть свои записи, а также записи Калиды и Вирджила, чтобы подготовить отчет для канцлера. Это не оставило мне возможности для самообмана, Андерс. Всё это есть в записях и на видео, даже если я не уделял этому в то время достаточно внимания. Так что,

думаю, я хочу сказать, что мне очень жаль. Прошу прощения за свои ошибки, извиняюсь за обязанности, которые я переложил на твои плечи, и извиняюсь за то, что не был тем человеком, тем отцом, каким вы меня хотели видеть. Но об одном я нисколько не сожалею. — Глаза доктора Уиттакера посмотрели прямо на сына. — Мне не жаль, что ты показал мне, что, какие бы другие ошибки я ни совершал на этом пути, мы вырастили мальчика, который превратился в прекрасного молодого человека, хотя твоя мама заслужила львиную долю признательности за это. Такого, которым я горжусь больше, чем я, наверное, когда-нибудь смогу тебе сказать.

Андерс с трудом сглотнул, чувствуя жжение в глазах. По какой-то причине слова отца — слова, которые он так долго хотел от него услышать — вызвали у него желание упасть и зарыдать.

Он хотел сказать отцу, что всё в порядке. Что это не важно: ведь в конце концов все спаслись. Что всё хорошо. Но это было бы неправильно. Извинения отца не могли изменить прошлое. Что случилось, то случилось. Это могло быть отменено не больше, чем курица могла вернуться в яйцо. Даже сейчас он знал, что его отец всё ещё был его отцом. Что он снова станет самим собой — сосредоточенным, целеустремленным, амбициозным — как только вернётся к работе. Но, может быть, если они не могли изменить прошлое, они могли, по крайней мере, изменить будущее. Может быть, его отец действительно чему-то научился после потрясения от пережитого. Определенно казалось, что да, и он, должно быть, смог убедить университет — и маму Андерса! — в этом, иначе он не мог бы вернуться сюда надолго. Но ведь есть пределы тому, насколько кто-то может измениться, не так ли?

"А хотел бы я вообще, чтобы он действительно полностью превратился в кого-то другого? В том смысле, что он мой отец, и, несмотря ни на что, я его действительно люблю". Андерс мысленно покачал головой. "Конечно, он отступит. Но не так далеко — ведь он знает, сколько будет на кону, если он снова облажается и что все в Звёздном Королевстве будут за ним следить! И если он снова возьмётся за старое, на этот раз мне будет что сказать ему на это".

Он посмотрел на своего отца ещё пару секунд, затем улыбнулся ему немного кривоватой улыбкой.

— Эй, любой может облажаться, — сказал он. — Даже я, наверное. Может быть, не так эффектно, но я, вероятно, рано или поздно найду способ сделать что-то столь же глупое. Черт возьми, я твой сын, не так ли?

Серьёзное, почти мрачное выражение лица доктора Уиттакера сменилось улыбкой, и он покачал головой.

— Да, но ты также сын своей матери. Её генетический вклад вероятно выйдет на поверхность, если ты начнёшь делать что-то глупое. Во всяком случае, я на это надеюсь!

— Я тоже, — сказал ему Андерс, а затем обнял своего отца. — Я тоже. Но приятно снова увидеть тебя, папа. В самом деле.

* * *

Андерс никогда не узнал, что его отец сказал остальным членам команды. Но он говорил с каждым из них индивидуально, и что бы он ни говорил, похоже, это сработало. Определённо атмосфера изменилась, и он надеялся, что она будет намного лучше. Доктор Уиттакер по-прежнему был старшим членом экспедиции, по-прежнему руководил ею, всё ещё имел право на окончательное решение, но из остальных никто — и особенно Калида Эмберли и Кесия Гайен — не собирался безоговорочно выполнять его приказы, если не согласны с ними. Больше нет. И это, подумал Андерс, вероятно, именно то, в чем его отец нуждался годами. Он слишком привык к неоспоримому авторитету своего высокого академического положения и репутации, но теперь он столкнулся лицом к лицу с осознанием того, насколько серьёзную ошибку он может совершить... и остальная часть его команды тоже.

Удивительно, что их новые отношения, казалось, были более, а не менее удобны для всех, включая его отца.

— Итак, канцлер Уорвик очень чётко изложил позицию университета, — сказал доктор Уиттакер, глядя на людей, сидящих за обеденным столом в его и Андерса номере на первой рабочей встрече со всей командой. — Калида, — обратился он к доктору Эмберли, — теперь ты официально являешься исполнительным директором команды. Канцлер не дошёл до того, чтобы сказать, что у вас есть право вето, но он не оставил у меня больших сомнений в том, должен ли я обращать внимание на ваши рекомендации.

Он улыбнулся, сказав это, и Андерс подумал, будет ли остальная команда так же удивлена отношением его отца, как и он.

— Канцлер ясно дал понять, что если любой из вас выберет возвращение на Кеничи вместо того, чтобы продолжить экспедицию, вы можете сделать это без академических или профессиональных последствий. Я сказал ему, что уверен, что все вы предпочтёте остаться и продолжить наше изучение древесных котов, но если нет, я пойму ваше решение.

Он остановился, словно ждал, что кто-нибудь вскочит и немедленно уйдёт, но никто не пошевелился.

— Канцлер также дал понять, что любой член университетских факультетов, постоянный или нет, понесёт наказание, если произойдёт ещё один подобный инцидент, — продолжил он и поморщился. — Я ожидаю, что большая часть этих наказаний, вероятно, обрушится на меня, но из того, что он сказал, я уверен, что их будет достаточно для всех ответственных за это.

Пришло время улыбаться другим — Кесия действительно усмехнулась — и доктор Уиттакер покачал головой.

— Я доставил послания канцлера Уорвика доктору Хоббард и лично поговорил с министром Васкес перед отъездом с Мантикоры на Сфинкс. У меня также запланирована встреча с губернатором Дональдсоном сегодня вечером. А потом, конечно, мне придется сесть и обсудить всё это с главным рейнджером Шелтоном. — Он снова покачал головой. — Я не очень

жду этого разговора. Как ты думаешь, Андерс, ты сможешь попросить миз Харрингтон и Львиное Сердце прийти и защитить меня?

— Боюсь, что нет, — сказал Андерс. Его отец посмотрел на него, и он пожал плечами. — Стефани на Мантикоре на ближайшие три месяца. Она задействована там в лесной обучающей программе для СЛС.

Он думал, что его голос звучал вполне естественно. Но по блеску в глазах доктора Уиттакера Андерс понял, что ошибся.

— Мне жаль это слышать, — сказал отец через мгновение, глядя прямо на него.

— Это был сюрприз для всех нас, — сказала Калида. — Честно говоря, я не уверена, что это хорошая идея — перенести Львиное Сердце в совершенно другую среду, но никто из принимавших решения не спросил моего мнения. И даже если бы они это сделали, я не знаю, была ли у Стефани альтернатива, кроме как взять его с собой.

— Я так не думаю, — вставила мать Калиды. — По крайней мере, ни она, ни Львиное Сердце так не думали! Но это не значит, что мы остались без посла среди древесных котов. Всегда есть юная Джессика, вы же знаете.

— Джессика? — повторил доктор Уиттакер немного растерянно.

— Джессика Ферисс, папа, — сказал Андерс. — Лучшая подруга Стефани. Она была ранена, когда боролась с огнём, и оказалась связанной со своим древесным котом, помнишь?

— Высокая рыжеволосая девушка? — сказал доктор Уиттакер спустя секунду.

— Скорее каштановые, чем рыжие, но да, это она.

Почему-то Андерса немного раздражала смутность воспоминаний отца.

"Ну конечно, я раздражён", подумал он, поняв причину. "Джессика сыграла большую роль в спасении наших задниц, а папа был так далеко, что я думаю, что он даже не заметил там её!".

— Я помню ее, — сказал доктор Уиттакер. — Она была с миз Харрингтон и молодым Цивоником и другими на лесном пожаре, не так ли?

— Да, была, — согласился Андерс, обнаруживший с радостью, что его отец заметил своих спасителей.

— Что ж, если она хоть наполовину осведомлена о древесных котах так, как миз Харрингтон, и

если она захочет работать с нами, я уверен: она может быть очень ценным активом, — продолжил доктор Уиттакер. — И кроме того, министр Васкес совершенно ясно дала понять, что она хочет, чтобы по крайней мере один рейнджер СЛС был назначен постоянным членом нашей команды. Мне бы очень хотелось возразить, но, к сожалению, я не в состоянии сделать это. И в этом есть и хорошая сторона. — Доктор Уиттакер весело потёр руки. — Если рейнджер будет назначен постоянным членом команды, у нас будет преимущественное право от рейнджеров, когда нам нужно будет пойти в кустарники!

"Теперь это похоже на доктора Уиттакера, которого он знал", подумал Андерс. Он был немного удивлен тем, насколько его позабавила эта мысль.

— А что насчет этих других ксеноантропологов, Брэдфорд? — спросил Лэнгстон Нэц. — Как они впишутся в картину?

— Сейчас трудно сказать, — нахмурился доктор Уиттакер. — Те квалификационные документы, которые доктор Хоббард смогла показать мне, выглядели... достаточно хорошо. Он взмахнул рукой, как бы отмахиваясь. — Я бы не сказал, что кто-то из них абсолютно первоклассный, но все они кажутся достаточно компетентными. И в отличие от этого кретина Больгео, все они — из уважаемых организаций. Я имею в виду, действительно из них. Они были предварительно проверены институтом Эдер ещё до того, как они были предложены, и на этот раз доктор Хоббард и министр Васкес дважды и трижды проверили документацию! К сожалению, я до сих пор не очень понимаю, чего именно они надеются достичь.

— Я провела небольшое исследование в сети после того, как мы получили ваше сообщение, доктор, — сказала Калида Эмберли. — Институт Эдер имеет отличную репутацию. Он был основан примерно в первое десятилетие существования колонии здесь, и с тех пор он занимается исследованием биосфер всех трёх обитаемых планет. Согласно его сайту, до этого момента основное внимание уделялось Мантикоре, а не Сфинксу или Грифону, что имеет некоторый смысл. На Мантикоре намного больше людей, и их след там уже намного больше. Я думаю, мы можем с уверенностью сказать, что приоритеты института немного сместились, когда вероятность того, что у Сфинкса есть местный разумный вид, стала очевидной.

— Ну, действительно ли древесные коты являются разумными — я имею в виду, доказано и подтверждено, — ещё предстоит выяснить, — сказал доктор Уиттакер. — Я надеюсь, что эти люди будут непредвзято относиться к этому, вместо того чтобы использовать свои выводы в угоду спонсорам! Но судя по тому, что вы говорите, они вряд ли захотят вторгнуться и испортить наши контакты с древесными котами или начать их антропоморфизацию с помощью всевозможных некомпетентных предубеждений. В отличие от некоторых других людей.

Андерс начал было протестовать против очевидного намёка в сторону Лесной Службы, контролировавшей обстановку между людьми и древесными котами — и, вероятно, Стефани тоже — но подавил искушение. Что бы ни случилось, доктор Уиттакер по-прежнему оставался ксеноантропологом. Он был бы намного счастливее, если бы власти Звёздного Королевства объявили всю планету природным заповедником и постановили, что никто — вообще никто... кроме, конечно, него и его команды — не может иметь никаких контактов с древесными котами до тех пор, пока он не закончит их изучение. Что, вероятно, не займёт больше двадцати или тридцати стандартных лет.

И то, если он поторопится.

— Что ж, нам просто нужно посмотреть, как всё это работает, — продолжил доктор Уиттакер.
— Доктор Хоббард сказала мне, что у нас, вероятно, есть около месяца, прежде чем они начнут прибывать, и мне бы очень хотелось, чтобы наши новые отношения с СЛС были выработаны прежде, чем мы начнем интегрировать их в график нашей команды. Так что, имея это в виду, Калида, сегодня вечером я хотел бы...

<http://tl.rulate.ru/book/45520/1077059>